

Даниил Гуревич

ПОПРАВКА
ДЖЕКСОНА

(ЭМИГРАНТСКАЯ ИСТОРИЯ)

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Убегая за море, мы меняем небеса,
но не душу.

Овидий

По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам.

Михаил Лермонтов. Измаил-Бей

Кусок планеты исполинский
Принадлежал одной державе,
Но образ жизни был там свинский,
И все оттуда побежали.

Игорь Губерман

Врожденный порок капитализма –
неравное распределение благ;
врожденное достоинство социализма –
равное распределение нищеты.

Уинстон Черчилль

ПРЕДИСЛОВИЕ

Близкие мне люди по обе стороны океана уже давно советовали мне написать книгу о нашей эмиграции в Америку, о так называемой третьей волне. И вот сейчас, когда свалившаяся на нас пандемия показала, насколько хрупки наши понятия о безмятежной идиллической жизни, я все же решил последовать их совету.

Пролог

Случилось так, что ученики восьмого «а» класса Саша Резин, Илюша Кричевский и Вася Рубинчик 1 сентября 1961 года одновременно поступили в триста восьмую школу Куйбышевского района. Так как в классе они были новенькими, неудивительно, что они стали держаться друг друга. Этому сплочению еще содействовало и то, что все трое оказались единственными евреями в классе. Довольно скоро их отношения переросли в крепкую дружбу. Они были неразлучны и в школе, и после школы. И даже вечерами частенько собирались у Илюши, благо жил он в огромной квартире с собственной комнатой. На следующий год, в девятом классе, их уже звали «три мушкетера». Правда, классные антисемиты – которых было немного, но они были – прозвали их «три хаймовича». Друзья ни «мушкетеров», ни тем более «хаймовичей» не признавали, и сами себя звали «три товарища». Как у Ремарка. Саша Резин был самый из них высокий и самый красивый, с неизвестно откуда приобретенными аристократическими манерами и купеческими запросами. Он небрежно покорила сердца не только своих одноклассниц, но вообще всех школьниц девярых и даже десятых классов. Илюша не был таким красавцем, но он был очень изящен, обаятелен, а еще большой шутник и фантазер. Были девочки,

которым он тоже очень нравился, – в основном такие же живые и острые на язык, как и он сам. Вася Рубинчик ни в чем не походил на своих друзей. Во-первых, он был маленького роста, довольно упитанный, с большой головой и с печальными и добрыми глазами (про такие говорят: «Типично еврейские глаза»). Вася не обладал ни чувством юмора, ни умением фантазировать, был молчалив, но зато беззаветно предан своим друзьям. Кроме того, он прекрасно учился. Лучше всех в классе. Его замечали, может быть, только те девочки, которых считали неуспевающими. Они пользовались им как могли, а он безропотно помогал им во всем: давал списывать домашние задания; помогал на контрольных работах, если просили; писал сочинения. Еще одним отличием Васи было прозвище, которое ему дали друзья и которое потом быстро подхватил весь класс. Дед у Васи был красным командиром в отряде легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. И когда родился внук, совсем старенький вечный красноармеец попросил сына назвать ребенка в честь своего командира Чапаева. Так появился на свет Василий Исаакович Рубинчик. Или просто Чапай. Друзья дали ему прозвище, когда заинтересовались его совсем не еврейским именем.

– Васька, – сказал ему Илюша, выслушав его семейную историю, – это, конечно, твое дело, но мой тебе совет: с таким именем ты уж выбери что-нибудь одно – или поменяй имя на Изю, или крестись в церкви.

– Илюша прав, – добавил Саша. – А пока мы тебя будем звать Чапаем. И даже не спорь.

Вася и не думал спорить. Он очень любил своих друзей.

Когда пришло время поступать в институт, их жизненные пути разошлись, но дружба осталась.

Саша Резин неожиданно и для самого себя, и для своих друзей поступил в Ленинградское мореходное училище. На все многотысячное училище там было всего два еврея: он и его двоюродный брат Юра Берман, благодаря которому Саша в это училище и попал. Юра играл на трубе во Дворце пионеров, где его услышал руководитель духового оркестра Ленинградского мореходного училища Мерзон, набиравший новых музыкантов на смену выпускавшихся курсантов. Мерзон сразу вцепился в Юрку, но тот согласился поступать в училище только при условии, что с ним возьмут и его двоюродного брата. Так что руководителю оркестра пришлось вместо одного еврея устраивать в мореходку сразу двух. Но была еще одна проблема: Саша не играл на трубе. Он вообще ни на чем не играл. И нот он не знал. А уж если признаваться до конца, то слуха у него тоже не было. Но и у Мерзона выхода не было. Уж очень ему хотелось занять Юрку в свой оркестр. А Саша, попав в училище, официально объявил, что сорвал губу и играть на трубе больше не может. Так они закончили мореходку и стали морскими офицерами дальнего плавания.

Илюша Кричевский в институт поступил тоже по благу, хотя, будь его воля, он ни за что в этот институт не подал бы документов. Он вообще ни в какой институт не пошел бы: для него это была пустая трата времени. Илюша, с десяти лет не выпускавший фотоаппарат из рук, мечтал стать профессиональным фотографом.

Но в его семье думали иначе: его судьба была предрешена с самого его рождения. Дело в том, что отец Илюши был очень известным архитектором. И дед у него тоже

был архитектором, хотя и не очень известным. А в таких семьях традиции, как правило, соблюдаются. Отец параллельно со своей работой заведовал кафедрой архитектуры в строительном институте, так что проблем с поступлением не наблюдалось. У Илюши был, конечно, выход: сознательно провалить экзамены. Но отец его предупредил: «Провалишь экзамены – живи как хочешь, на нашу с матерью помощь не рассчитывай». Илюша в институт поступил, но и фотоаппарат на полку не забросил, а продолжал снимать и посылать снимки в различные журналы и газеты. И где-то уже на втором курсе его работы начали печатать. Илюша еще годик проучился и, зарабатывая уже приличные деньги, институт покинул, несмотря на грандиозный семейный скандал.

Вася Рубинчик единственный из друзей не обладал никакими блатами и не имел никаких особенных способностей. И хотя учился он в школе намного лучше своих друзей, ему пришлось поступать в единственный институт, где пока еще не очень обращали внимание на национальность, – в педагогический, по окончании которого он стал скромным преподавателем истории.

Вот так и жили наши три товарища своей беззаботной радостной жизнью, которая называлась юностью. За ней последовала бесшабашная молодость. Потом наступило время, когда их жизнь в корне преобразилась и избрала новый необычный путь, полный преград и неожиданностей, а главное – в совершенно неведомом мире. И они как могли стали проживать эту новую жизнь, стараясь не только к ней приспособиться, но и добиться в ней успеха и выплыть наверх.

Об этом и книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. САША РЕЗИН

Первым с эмиграцией столкнулся Саша Резин, но произошло это по не зависящим от него обстоятельствам. Уж меньше всего ему хотелось менять свою жизнь, которой, как он считал, многие завидовали. Во-первых, плавая, он постоянно бывал за границей, что было недоступно как минимум для девяноста процентов населения Советского Союза. В советских рублях зарплата у моряков заграничания была небольшая, но она с лихвой компенсировалась зарплатой в валюте. На валюту моряки покупали за границей товары, в основном шмотки, которые были всегда в дефиците в СССР, и в советских портах они эти шмотки продавали. Так что можно было с уверенностью сказать: в деньгах Саша купался. Одевался он тоже только за границей. А модно одеваться он любил. Как-то в ожидании очередной пассии он стоял у входа в гостиницу «Европейская». Рядом с ним стоял парень восточной национальности, скорее всего грузин, и долго исподволь его рассматривал. Наконец, повернулся к Саше и сказал:

- Сушай, дарагой! Продай, а?
- Что? – спросил Саша.
- Все! – ответил грузин, проводя рукой от Сашиной головы до ног.

Плюс к этому Саша извлекал из своей работы огромное количество привилегий и удобств, простым смертным совершенно недоступных. Например, он почти не пользовался общественным транспортом – только такси. Он очень редко ходил по магазинам, в основном за спиртным. Пропуск моряка дальнего плавания позволял ему покупать билеты в кино и театры без очереди или с брони. Он и девушка, которая вместе с ним в этот момент была, свысока смотрели на стоявших в длинной очереди жаждущих занять билетик. В общем, он был уверен, что ему всегда и все завидовали, и это тешило его самолюбие.

И теперь в одночасье ему придется со всем этим расстаться – из-за того, что его сестра и ее муж вдруг решили эмигрировать в Америку и подали документы в ОВИР (отдел виз и регистрации), указав, что ее родной брат плавает за границу. Естественно, Саше закроют визу. И чем он будет заниматься? Будет жить на гроши в этой убогой стране? Сошьется с массой ее безликого нищего населения? Нет. Только не это и только не он.

Сестра долго говорила с ним, извинялась, что сломала ему жизнь, и советовала присоединиться к ней и ее мужу, который и настоял на эмиграции. Родители тоже решили с ними эмигрировать. Они всегда были ближе к сестре, чем к нему, считая его – и не зря – успешным ребенком, а вот сестру и всю ее семью нет. Сестра, как они считали, замуж вышла неудачно. Ее муж был обычным инженером без амбиций и без перспектив. Сама она работала чертежницей в строительной организации – та еще гламурная работа. У них была дочка, которую они называли Дорой, в честь покойной матери мужа. Ну кто в наше время дает имя Дора!

Жили они вместе с родителями в коммунальной квартире, где у них было две комнаты. Саша же, как только

женился, купил себе большую двухкомнатную квартиру. Он, в принципе, понимал решение сестры эмигрировать. Но не в ущерб ему!

О разговоре с сестрой Саша решил пока никому не рассказывать – а вдруг пронесет? Не пронесло. Не прошло и недели с момента подачи сестрой документов в ОВИР, как его вызвали в отдел кадров пароходства и предложили написать заявление об уходе. Понимая, что разговоры бесполезны, он написал заявление, и на этом его роскошная жизнь закончилась. Естественно, первым, кому он позвонил, были Илюша с Чапаем. Они встретились в пивной на Лиговке, где Саша рассказал про сестру, про визу и про уход из пароходства.

– Старик, да не переживай ты так. Сейчас мы что-нибудь придумаем, – сказал Илюша, обняв Сашу за плечо. – Чапай, есть какие-нибудь соображения?

– У меня? – Вася ошарашено смотрел на Илюшу.

– А у кого еще? Не у меня же!

– Я понятия не имею, – уже извиняясь посмотрел на Сашу Чапай.

– У тебя ведь предки партийцы? – спросил Илья

– Да. И что? – удивился Вася.

– Ну, пускай там замолвят словечко, – Илья многозначительно кивнул головой к потолку.

– Кончай хохмить, – буркнул Саша. – Нашел время для шуток.

– А чем ты собираешься там заниматься? – поинтересовался Вася.

– Откуда я знаю? Я еще об этом не думал.

– А ты бы подумал – серьезным тоном сказал Илья. – Не плавать же ты там будешь? Там шмотки в магазинах покупают, а не у моряков дальнего плавания. Хотя черт их

знает. Они же америкашки. Ну, если плавать не удастся, тогда только один выход: быть инструктором по прыжкам с парашютом. Там таких, как ты, наверняка с руками и с ногами.

– Ты заткнешься, сука такая?! – взорвался Саша. – У человека жизнь кончается, а он на эстраду выскочил.

– Да брось драматизировать – кончается! Знаешь, сколько нашего брата «хаймовича» сейчас в Штаты перебирается?

– Между прочим, Илюша прав, – сказал Вася. – Броня, моя девушка...

– У тебя есть девушка?! Иди ты! – Илюша схватил Васю за плечи, приблизил к себе и стал пристально рассматривать его лицо. – Да, вроде пушок пробивается. Значит, пора. А чего ее скрываешь? Наверное, уже беременная вовсю? А ну-ка, сознавайся!

– Да ладно тебе. Я только недавно познакомился. А теперь собираюсь познакомить с вами.

– Ты смотри у меня! – Илюша погрозил пальцем. – Ну и что твоя девушка?

– Она мне сказала, что рано или поздно она обязательно отсюда смотает.

– Видишь, Сашок? Даже Броня. А ты сомневаешься, – Илюша похлопал Сашу по плечу. – А если серьезно, старик, то из этого говна под именем СССР давно пора валить. Ты же не можешь вечно плавать и заниматься продажей всяких кофточек и юбочек. Посмотри на себя: у тебя рожа академика биологических наук, а ты из-под полы бюстгальтерами торгуешь.

– Я не торгую из-под полы. Я все нашей Наде сдаю.

Надя работала официанткой в кафе «Лакомка», которое друзья выбрали под свою штаб-квартиру.

– Ну, тогда можно сказать, прямая связь с министерством торговли. В Америке ведь тоже есть такое министерство. Значит, напрямиком туда.

– Если ты сейчас не прекратишь свой балаган, я пошлю тебя на хер и ты мне больше не друг.

– Брось, Сашка. Ты же меня знаешь – это само собой вырывается. Я, конечно, постараюсь, но обижаешься ты зря.

– Ну а действительно, чем я там буду заниматься? – Саша обратился к Васе.

– Я слышал, там многие эмигранты становятся программистами. Ты тоже сможешь попробовать, – предложил Вася.

– Я понятия не имею, что такое программирование.

– Там есть курсы, и наши эмигранты идут учиться. Всего на полгода.

– Не знаю, – неуверенно сказал Саша, – смогу ли я. У меня с математикой всегда было плохо.

– Прекрати! Ты же ума палата. Так им и заявишь, – обнадежил его Илья.

– Я тоже уверен, что сможешь, – подтвердил Вася.

– Ты Нине уже сказал? – поинтересовался Илья.

– Нет еще. Вы первые.

– Спасибо за доверие, – сказал Илья, и, привстав на цыпочки, притянул Сашину голову и чмокнул в лоб. – Но если Нинок откажется с тобой ехать, ты не переживай, мы за ней здесь с Чапаем присмотрим.

– Перебьетесь! Она со мной поедет, – с уверенностью сказал Саша. – Всё! Хватит на эту тему. Давайте пить пиво.

– Нет, еще пару слов, – изменившимся тоном сказал Илья. – Теперь серьезных. Ты же не будешь вечно плавать,

Сашок. Придет когда-нибудь время, и ты спустишься на землю. И тогда на своей шкуре испытаешь, в каком дерьме мы живем. Да ты уже сейчас испытал. Сестра эмигрирует – и тебе тут же прихлопывают визу. Вот это наш СССР. Как нам с детства внушали: самая свободная страна в мире, где живет самый свободный народ в мире. Но только попробуй сказать то, что думаешь, а не то, что должен, – и окажешься в лучшем случае в психушке, а то и за решеткой. Говори что велено, смотри что велено, читай что велено, слушай что велено. Вот это и есть наша свобода. Так что скажи спасибо, что родился евреем, и вали отсюда как можно быстрее.

После разговора с ребятами Саша почувствовал себя лучше. По крайней мере пропала растерянность перед надвигающимися событиями и пришла уверенность, что это хотя и вынужденный, но всё же правильный шаг. Он еще молодой. Устраиваются же другие, устроится и он. Чем он хуже? Теперь надо будет говорить с Ниной.

Саша познакомился с Ниной в прошлом году и неожиданно для самого себя влюбился. Впервые в своей жизни. Саша в этой троице друзей был отъявленным бабником. Илюша, несмотря на обаяние и изящность, настолько был занят своим фотоаппаратом, что женщин рассматривал в основном через объектив. Пухленький Вася с обостренным комплексом неполноценности представить себя с женщиной просто отказывался. Когда Саша заявил друзьям, что собирается жениться, они только рассмеялись в ответ. Но он их смех проигнорировал и женился.

Нина действительно была так хороша, что устоять перед ней было трудно даже такому, как Саша Резин. Познакомился он с ней в метро – уличные знакомства всегда давались ему легко. Она торопилась в институт культуры,

где училась на библиотечном факультете. Саша привык, что девушки, когда он начинает проявлять к ним внимание, теряют голову, и уже через несколько дней большинство из них оказывается в его постели. С Ниной все было не так. Он сразу понял, что с постелью придется подождать, и довольно долго, и стал за ней ухаживать как никогда ни за кем не ухаживал: дарить цветы, водить в кино, в театр, в рестораны. Из плавания привозил красивые подарки, чего ни для одной своей девушки никогда не делал. Наконец, впервые в своей жизни он признался в любви и сделал предложение. Нина согласилась. Была шумная свадьба, но не прошло и месяца, как у Саши появилась очередная любовница.

Он действительно был влюблен в Нину, но, как объяснил друзьям, от которых у него секретов не было, – против природы не попрешь. Вскоре у Саши и Нины родился сын, которого они назвали Игорем. Они стали обсуждать, какую фамилию дать сыну. Из чисто практических соображений Саша подумывал дать ему фамилию Нины – Колесников, но сама Нина настояла на фамилии Резин. Для Саши ее решение было вдвойне приятно. Во-первых, она в лишний раз доказала, как сильно его любит, а во-вторых, этим она показала, что совершенно не антисемитка. После рождения ребенка Саша заставил Нину уйти из института.

Когда эмиграция стала их вероятным будущим, Саше понял, что предстоит разговор с Ниной. И не просто разговор. Ему надо будет ее убеждать. Нина, как и вся ее русская семья, понятия не имела, что такое эмиграция. Он знал, что Нина его любит, но она также очень сильно любит свою семью, и расстаться с ней навсегда будет для нее тяжелым ударом. Если она вообще на это согласится.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА